

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авторы: В. В. Калугин

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Понятие «древнерусская литература» обозначает в строгом терминологическом значении литературу вост. славян 11–13 вв. до их последующего разделения на русских, украинцев и белорусов. С 14 в. отчётливо проявляются особые книжные традиции, приведшие к образованию русской (великорусской) литературы, а с 15 в. – украинской и белорусской. В филологии понятие «древнерусская литература» используется традиционно применительно ко всем периодам в истории рус. литературы 11–17 вв.

Возникновение древнерусской книжной культуры

Предшественником древнерусской литературы был фольклор, распространённый в Средневековье во всех слоях общества: от крестьян до княжеско-боярской аристократии. В древнерусскую письменную эпоху фольклор и литература со своей системой жанров существовали параллельно, взаимно дополняли друг друга, иногда вступая в тесное соприкосновение. Фольклор сопровождал древнерусскую литературу на протяжении всей её истории (от летописания 11 – нач. 12 вв. до «Повести о Горе-Злочастии» 17 в.), хотя в целом слабо отразился в письменности.

Принятие христианства при великом князе киевском Владимире Святославиче ввело Русь в орбиту византийского мира. После крещения в страну была перенесена от южных и в меньшей степени от западных славян богатая старославянская книжность, созданная солунскими братьями Кириллом и Мефодием и их учениками. Огромный корпус переводных (в основном с греч. яз.) и оригинальных памятников включал в себя библейские и богослужебные книги, патристику и церковно-учительную литературу, догматико-полемические и юридические сочинения и т. д. Этот

литературный фонд, общий для всего византийско-славянского православного мира, обеспечивал сознание религиозного, культурного и языкового единства на протяжении столетий. От Византии славяне усвоили преимущественно церковно-монастырскую книжную культуру. Богатая светская литература Византии, продолжавшая традиции античной, за немногими исключениями не была востребована. Южнославянское влияние в кон. 10–11 вв. положило начало древнерусской литературе и книжному языку.

Древняя Русь последней из славянских стран приняла христианство и познакомилась с кирилло-мефодиевским книжным наследием. Однако в удивительно короткие сроки она превратила его в своё нац. достояние. По сравнению с др. православными славянскими странами Древняя Русь создала значительно более развитую и жанрово многообразную нац. литературу и неизмеримо лучше сохранила общеславянский фонд памятников.

Литературный язык Древней Руси

Вместе со старославянскими книгами на Русь в кон. 10–11 вв. был перенесён старославянский язык – общеславянский лит. язык, созданный в процессе переводов греческих церковных книг Кириллом, Мефодием и их учениками во 2-й пол. 9 в. на болгаро-македонской основе. С первых лет своего существования на Руси старославянский язык стал приспособливаться к живой речи вост. славян. Под её влиянием одни специфические южнославянизмы были вытеснены из книжной нормы русизмами, а другие стали допустимыми вариантами в её пределах. В результате к кон. 11 в. сложился местный (древнерусский) извод церковно-славянского языка.

Языковая ситуация Древней Руси по-разному оценивается в работах исследователей. Одни из них признают существование двуязычия, при котором разговорным и деловым языком был древнерусский, а литературным – церковно-славянский (А. А. Шахматов). Другие доказывают самобытность лит. языка в Древней Руси, крепость и глубину его народной восточнославянской речевой основы и, соответственно, слабость и поверхностность старославянского влияния (С. П. Обнорский). Согласно компромиссной теории, в Древней Руси существовало два книжных языка: церковно-славянский и древнерусский (Д. С. Лихачёв). В

соответствии с новейшей теорией диглоссии (Г. Хюттль-Фольтер, А. В. Исаченко, Б. А. Успенский), наоборот, церковно-славянский и древнерусский языки почти не пересекались и воспринимались в Древней Руси как две разные сферы одного языка. В дальнейшем границы между литературным и деловым языком начинают размываться, и элементы делового (и через него – разговорного) языка проникают в такие позднейшие памятники, как «Хожение за три моря» Афанасия Никитина, послания Ивана Грозного, повести 17 в. и др.

11 век – 1-я треть 12 века

«Учение книжное», начатое князем Владимиром Святославичем, быстро совершенствовалось. Древнейшей книгой Руси из числа сохранившихся является Новгородский кодекс (не позднее 1-й четв. 11 в.) – триптих из трёх навощённых дощечек, найденный в 2000 во время работ Новгородской археологической экспедиции. Помимо осн. текста – двух псалмов, кодекс содержит «скрытые» тексты, процарапанные по дереву или сохранившиеся в виде слабых отпечатков на дощечках под воском. Среди «скрытых» текстов, прочитанных А. А. Зализняком, особенно интересно не известное ранее сочинение из четырёх отдельных статей о постепенном движении людей от тьмы язычества через ограниченное благо закона Моисеева к свету учения Христова (тетралогия «От язычества к Христу»).

Согласно «Повести временных лет», сын Владимира великий князь киевский Ярослав Мудрый организовал переводческие и книгописные работы в Киеве. В 11–12 вв. в Древней Руси существовали разные школы и центры, занимавшиеся переводами в осн. с греческого языка. От этого времени сохранились: «Чудеса Николая Мирликийского» (1090-е гг.) – самого почитаемого святого на Руси; «Житие Василия Нового» (11 в.), изображающее яркие картины адских мук, рая и Страшного суда; севернорусский перевод «Жития Андрея Юродивого» (11 в. или не позднее нач. 12 в.), под влиянием которого на Руси был установлен праздник Покрова Богородицы в 1160-е гг.; «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (не позднее сер. 12 в.). Очевидно, на юго-западе Руси, в Галицком княжестве, был переведён памятник античной историографии «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (не позже 12 в.). К восточнославянским

переводам 11–12 вв. относят обычно византийский героический эпос «Девгениево деяние» и древнюю ассирийскую «Повесть об Акире Премудром» (с сирийского или армянского оригинала). Не позднее 12–13 вв. была переведена с греческого языка «Пчела» – сборник афоризмов античных, библейских и христианских авторов, содержащий этические наставления и расширявший историко-культурный кругозор читателя. При Ярославе Мудром начала складываться Русская правда (1-я пол. 11 в.) – главный письменный свод законов Древней Руси; был составлен Древнейший летописный свод при митрополичьей кафедре, основанной в 1037 в Киеве; появилось «Слово о Законе и Благодати» Илариона (между 1037 и 1050). Прославлению крестителя Руси посвящено риторически украшенное произведение монаха Иакова «Память и похвала князю Русскому Владимиру» (11 в.). Иаков имел доступ к летописи, предшествовавшей Начальному своду, и использовал её уникальные сведения.

Важнейшим лит. центром этого периода был Киево-Печерский монастырь, поддерживавший связи с Константинополем и, судя по всему, с Сазавским монастырём – последним очагом славянской глаголической книжности в Чехии 11 в. Житие одного из основателей Киево-Печерского монастыря Антония принадлежит к числу самых ранних памятников древнерусской агиографии. Не дошедшее до нас, оно было использовано в Начальном летописном своде. Ученик Антония Феодосий Печерский, «отец древнерусского монашества», был автором церковно-учительных и антилатинских сочинений, инициатором работ по переводу церковной и богослужебной литературы в 1060-х гг. в связи с введением в Киево-Печерском монастыре (а вслед за ним и на всей Руси) константинопольского Студийского устава (перевод самого устава, огласительных поучений Феодора Студита, его жития и др.).

В Киево-Печерском монастыре велось летописание, были составлены свод Никона Великого (ок. 1073) и Начальный свод (ок. 1095). Оба они вошли в «Повесть временных лет» (1110-е гг.) – ценнейший памятник древнерусской культуры и исторической мысли. Создателем её первой редакции (1110–12 или 1113) считается киево-печерский монах Нестор. «Повесть временных лет» – сложный по составу и источникам свод. Она включает в себя дружинно-эпические предания (о гибели князя Олега Вещего от укуса змеи, вылезшей из черепа его любимого коня, под 912 г., о мести княгини Ольги древлянам под 945–946 гг.), народные сказания (о старце,

спасшем Белгород от печенегов, под 997 г.), топонимические легенды (о юноше-кожемяке, победившем печенежского богатыря, под 992 г.), рассказы современников (воеводы Вышаты и его сына воеводы Яна), договоры с Византией 911, 944 и 971 гг., церковные поучения (речь греческого философа под 986 г.), агиографические тексты (о князьях Борисе и Глебе под 1015 г.), воинские повести и т. д. «Повесть временных лет», излагающая события по годам, в структурном отношении подобна латинским анналам и отличается от византийских хроник, не знавших погодных записей. Она на века стала образцом для подражания в летописном жанре и сохранилась в составе поздних сводов 14–16 вв. В летопись включена возникшая как самостоятельное произведение «Повесть об ослеплении князя Василька Теревовльского» (1110-е гг.), написанная очевидцем драматических событий Василием. По жанру это историческая повесть о княжеских преступлениях во время междоусобных войн 1097–1100. В «Повесть временных лет» вошло «Поучение» князя Владимира Мономаха, состоящее из трёх самостоятельных сочинений: поучения детям, автобиографии – летописи жизни и военных походов Мономаха и письма его сопернику князю Олегу Святославичу Черниговскому. Идеал «Поучения» – мудрый и справедливый государь, свято хранящий верность договорам, храбрый князь-воин и благочестивый христианин. Произведение Мономаха типологически близко средневековым западноевропейским поучениям детям – наследникам престола. Оно входит в круг таких сочинений, как «Тестамент», приписывавшийся византийскому императору Василию I Македонянину, англосаксонские «Поучение» короля Альфреда Великого и «Отцовские поучения» (8 в.), использовавшиеся для воспитания королевских детей, и др.

«Чтение о житии Бориса и Глеба» киево-печерского летописца Нестора вместе с др. памятниками агиографии 11–12 вв. (анонимным «Сказанием о Борисе и Глебе», «Сказанием о чудесах Романа и Давида») образует цикл о кровопролитной междоусобной войне сыновей кн. Владимира Святославича за киевский престол. Борис и Глеб (в крещении Роман и Давид), убитые в 1015 по приказу их старшего брата Святополка, изображены мучениками не столько религиозной, сколько политической идеи. Они утверждают своей смертью торжество братолюбия и необходимость подчинения младших князей старшему в роде для сохранения

«Сказание о Борисе и Глебе».
Миниатюра из Сильвестровского
сборника. 2-я пол. 14 в. (РГАДА).

единства Русской земли. Князья-страстотерпцы Борис и Глеб, первые канонизированные святые на Руси, стали её небесными покровителями и защитниками. После «Чтения» Нестор создал «Житие Феодосия Печерского», ставшее образцом в жанре преподобнического жития и позднее включённое в «Киево-Печерский патерик» – сборник кратких рассказов об истории Киево-Печерского монастыря, его монахах, их аскетической жизни и духовных подвигах. Формирование памятника началось в 20–30-е гг. 13 в. Его основу составили переписка и сочинения епископа Владимирского и Суздальского Симона и киево-печерского монаха Поликарпа.

Источниками их рассказов о событиях 11 – 1-й пол. 12 вв. были монастырские и родовые предания, народные сказания, киево-печерское

летописание, жития Антония и Феодосия Печерских. Лит. образцами явились древнеславянские переводные патерики. По худож. достоинствам «Киево-Печерский патерик» не уступает переводным с греческого языка памятникам этого жанра – Скитскому, Синайскому, Египетскому и Римскому патерикам, вошедшим в золотой фонд средневековых западноевропейских литератур.

Видимо, на Афоне или в Константинополе – общеправославных культурных центрах – совместными трудами древнерусских и южнославянских книжников был переведён с греческого языка и дополнен новыми статьями Пролог. Этот житийный и церковно-учительный сборник, восходящий к византийскому Синаксарю, содержит краткие редакции агиографических текстов, расположенных в порядке церковного месяцеслова (с 1 сентября). Перевод был осуществлён не позднее 12 в., т. к. древнейший сохранившийся список (Софийский Пролог) датируется кон. 12 – нач. 13 вв. В Древней Руси Пролог неоднократно редактировался, дополнялся русскими и

славянскими статьями и вообще относился к излюбленнейшему кругу чтения, о чём свидетельствует большое количество списков и начавшихся в 17 в. изданий памятника.

На севере Руси лит. центром был Новгород. Уже в сер. 11 в. там, при Софийском соборе, велось летописание. В кон. 1160-х гг. священник Герман Воята, переработав предшествующие летописи, составил архиепископский свод. Новгородские владыки не только руководили летописными работами, но и сами создавали лит. сочинения. Памятником простого и неукрашенного церковно-учительного красноречия является краткое «Поучение к братии» (30–50-е гг. 11 в.) епископа Луки об основах христианской веры. Архиепископ Антоний в «Книге Паломник» описал путешествие в Константинополь до его захвата крестоносцами в 1204. Этому событию посвящено свидетельство неизвестного очевидца, включённое в Новгородскую первую летопись, – «Повесть о взятии Царьграда фрягами». Написанная с внешней беспристрастностью и объективностью, «Повесть» существенно дополняет картину разгрома Константинополя крестоносцами Четвёртого похода, нарисованную латинскими и византийскими историками и мемуаристами. К этому времени тема крестовых походов и жанр «хождений» имели столетнюю историю в древнерусской литературе.

В нач. 12 в. игумен одного из черниговских монастырей Даниил посетил Святую землю, где был приветливо принят иерусалимским королём Балдуином (Бодуэном) I, одним из вождей Первого крестового похода. В «Хождении» Даниил изобразил себя посланцем всей Русской земли как некоего политического целого. Его произведение – образец паломнических записок, ценный источник исторических сведений о Палестине и Иерусалиме. По форме и по содержанию оно напоминает многочисленные итинерарии («путешественные книги») западноевропейских пилигримов. Даниил подробно описал маршрут, увиденные достопримечательности и святыни, попутно пересказав связанные с ними церковно-канонические предания и апокрифы.

Как и в средневековой Европе, на Руси уже в 11 в., помимо ортодоксальной литературы, получили распространение апокрифы – легендарные сочинения, не

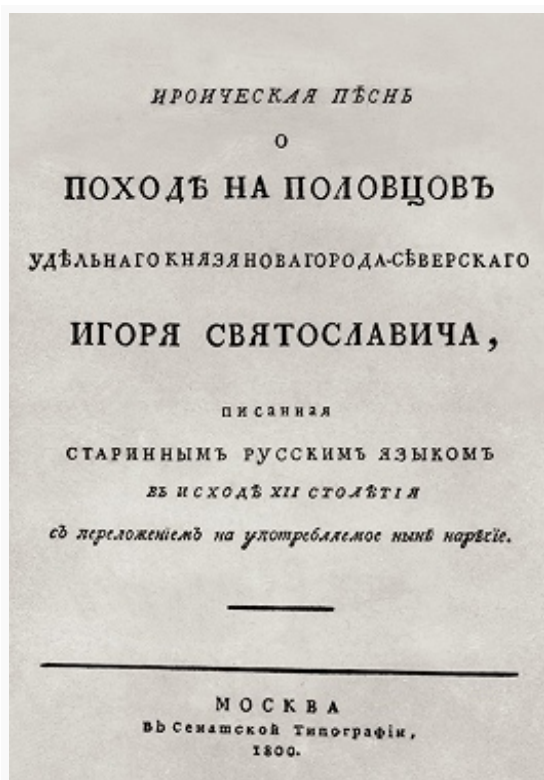
вошедшие в церковный канон. Их осн. поток шёл из Болгарии, где в 10 в. была сильна дуалистическая ересь богомилов. Тематически апокрифы делятся на ветхозаветные («Сказание, как сотворил Бог Адама», апокрифы о Соломоне, «Книга Еноха»), новозаветные («Евангелие детства», или «Евангелие Фомы», «Первоевангелие Иакова», «Евангелие Никодима», «Сказание Афродитиана»), эсхатологические о загробной жизни и конечных судьбах мира («Видение пророка Исаяи», «Хождение Богородицы по мукам», «Откровение Мефодия Патарского») и др. Многие апокрифы вошли в состав догматико-полемической компиляции «Толковая Палея» (возможно, 13 в.) и её переработки – «Хронографическая Палея».

Апокрифы заносились в особые списки отречённых книг. Древнейший славянский индекс апокрифов, переведённый с греческого языка, помещён в Изборнике 1073 – древнерусской рукописи, восходящей к переводному с греческого сборнику болгарского царя Симеона. Самостоятельные списки отречённых книг, отражающие круг чтения в Древней Руси, появляются на рубеже 14–15 вв. и имеют рекомендательный, а не строго запретительный (с последующими карательными санкциями) характер. Многие апокрифы («Первоевангелие Иакова», «Сказание Афродитиана» и др.) могли не восприниматься как «ложные писания» и почитались наравне с каноническими памятниками церковной письменности.

2-я треть 12 века –1-я четверть 13 века

После смерти сына Владимира Мономаха Мстислава Великого (1132) Киев утратил власть над большей частью рус. земель. Древняя Русь распалась на полтора десятка суверенных и полусуверенных государств, в которых развивались новые лит. центры. О распространении греческой образованности на Руси свидетельствует послание митрополита Киевского Климента Смолятича (прозвище от имени Смолята) пресвитеру Фоме (сер. 12 в.), в котором обсуждаются Гомер, Аристотель, Платон, толкование библейского текста с помощью притч и иносказаний.

Приёмами византийской экзегетики блестяще владел епископ Кирилл Туровский, «златоуст» Древней Руси. Всего ему приписывается более 30 произведений: цикл из 8 слов на праздничные дни Цветной Триоди, цикл седмичных молитв, «Повесть о белоризце и мнишестве» и др.

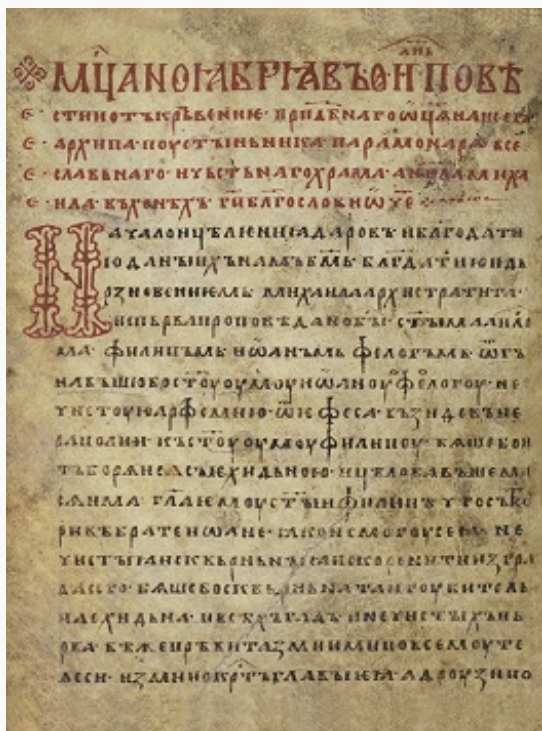
Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве» (Москва, 1800).

При Андрее Боголюбском происходит культурный подъём во Владимиро-Суздальском княжестве. Стремясь возродить единство Руси под своей властью, князь был заинтересован в прославлении своей деятельности, местных святых и святынь. В честь своей победы над волжско-камскими булгарами в 1164 Андрей Боголюбский написал «Слово о милости Божьей». С его деятельностью связано появление таких памятников, как «Сказание о победе над волжско-камскими булгарами в 1164 г. и празднике 1 августа» (1164–65), «Житие епископа Леонтия Ростовского» (1160-е гг.) – небесного покровителя Владимирской Руси, «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богородицы» (возможно, 1163–64), положившее начало циклу произведений об одной из

наиболее почитаемых святынь Русской земли. Гибели князя в результате боярского заговора посвящена исполненная драматизма и исторически достоверных подробностей «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» (видимо, между 1174 и 1177). Ценными памятниками местной агиографии являются «Житие княжны Евфросинии Полоцкой» (не ранее последней четв. 12 в.), основательницы монастырей, в старости совершившей паломничество через Константинополь в Святую землю, и написанное Ефремом «Житие Авраамия Смоленского» (13 в.), книжника-аскета, учёность которого стала причиной гонений на него.

Произведение Даниила Заточника, созданное на пересечении книжных, прежде всего библейских, и фольклорных традиций и сохранившееся в двух редакциях – «Слово» и «Моление» (12 или 13 вв.), в иносказательной форме саркастично изображает быт и нравы эпохи, показывает трагедию незаурядного человека, которого преследуют нужда и беды. Даниил Заточник – сторонник сильной и «грозной» княжеской власти, к которой он обращается с просьбой о помощи и защите. В жанровом отношении его

произведение может быть сопоставлено со средневековыми западноевропейскими «молениями» о помиловании, об освобождении из заключения, часто писавшимися стихами в форме афоризмов и притч.

Сборник слов и поучений конца 12 – начала 13 вв. Страница рукописи(РГБ).

В русле средневекового общеевропейского лит. процесса находится и «Слово о полку Игореве» (кон. 12 в.). Поводом для его создания послужил неудачный поход в 1185 новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев. Поражению Игоря посвящены воинские повести, дошедшие в Лаврентьевской летописи (1377) и Ипатьевской летописи (кон. 10-х – нач. 20-х гг. 15 в.). Однако только автор «Слова» сумел превратить эпизод многочисленных войн со Степью в великий поэтический памятник, который стоит в одном ряду с шедеврами европейского средневекового эпоса. Поэтическая образность «Слова» тесно связана с языческими представлениями, которые были живы в 12 в.

Автору удалось соединить риторические приёмы церковной литературы с традициями дружинной эпической поэзии, образцом которой были в его глазах творения поэта-певца 11 в. Бояна. Идеалы «Слова» связаны с уходящей в прошлое Древней Русью. Его создатель – убеждённый противник княжеских междоусобиц, губивших Русскую землю.

2-я четверть 13 века – конец 14 века

Монголо-татарское нашествие подорвало развитие древнерусской литературы, привело к её заметному сокращению и упадку, на долгое время прервало книжные связи с др. славянами. Первой трагической битве с завоевателями на р. Калка в 1223 посвящены повести, сохранившиеся в Новгородской первой, Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Иноземное вторжение было воспринято на Руси как знамение

конца мира. Былое величие, могущество и красоту страны оплакивает лирическое «Слово о погибели Русской земли» (между 1238 и 1246) – фрагмент утраченного произведения о монголо-татарском нашествии, известный в двух списках как своеобразное вступление к первоначальной редакции «Повести о житии Александра Невского».

Самый видный церковный ритор этого времени – епископ Серапион, соединивший простоту и ясность языка с искусством красноречия. Незадолго до смерти он был поставлен из игуменов Киево-Печерского монастыря епископом Владимирским (1274–75). От его творчества сохранилось 5 поучений, обличающих языческие обычаи, веру в колдовство, а также призывающие к покаянию перед лицом обрушившихся на Русь бедствий.

Выдающийся памятник южнорусского летописания – Галицко-Волынская летопись, состоящая из двух самостоятельных частей: «Летописца Даниила Галицкого» (до 1260) и летописи Владимиро-Волынского княжества (с 1261 по 1290). «Летописец Даниила Галицкого» написан в нетрадиционной форме свободного исторического повествования, не скованного погодными записями, использовавшего устные народные предания, в т. ч. половецкий эпос – рассказ о траве «емшане». Автор создал яркое жизнеописание князя-воина Даниила Галицкого, боровшегося с монголо-татарами, польскими и венгерскими феодалами, мятежным галицким боярством.

Монголо-татарское нашествие возродило идеалы мудрого государя, мужественного защитника родной земли и православной веры. Ярким образцом мученического жития является «Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора» (краткая, проложная, редакция до 1270-х гг.), казнённых по приказу хана Батыя в 1246 за отказ поклониться языческим идолам. Конфликт в древнейшем памятнике тверской агиографии «Житии князя Михаила Ярославича Тверского» (кон. 1319 – нач. 1320 или 1322–27) имеет политическую подоплёку. В 1318 Михаил Тверской был казнён в Золотой Орде в результате интриг его соперника в борьбе за великое княжение Владимирское московского князя Юрия Даниловича. Житие изображало в самом невыгодном свете Юрия Даниловича и содержало

антимосковские выпады. В официальной литературе 16 в. оно было подвергнуто сильной промосковской цензуре. При сыне мученика, великом князе Александре Михайловиче, в Твери в 1327 вспыхнуло народное восстание против ханского баскака Чолхана. Откликом на эти события стали появившиеся вскоре после них «Повесть о Шевкале», включённая в тверские летописные своды, и народная историческая песня «О Щелкане Дудентьевиче».

«Военно-героическое» направление в агиографии представлено «Повестью о житии Александра Невского» (первоначальная редакция, вероятно, 1280-х гг.), соединившей традиции воинской повести и жития. Произведение оказало влияние на «Повесть о Довмонте» (2-я четв. 14 в.), княжение которого стало для Пскова временем расцвета и побед над внешними врагами – литовцами и ливонскими рыцарями. Повесть связана с псковским летописанием, начавшимся в 13 в.

Высокими худож. достоинствами отмечена рязанская «Повесть о Николе Заразском». Произведение посвящено местной святыне, иконе Николы Заразского, и включает в себя историю её перенесения из Корсуня в Рязанскую землю в 1225 и героико-эпическое повествование о разорении Рязани ханом Батыем в 1237. Вторая часть повести в образе былинного богатыря Евпатия Коловрата прославляет героизм и величие духа рус. народа, не сломленного врагом. В окончательном виде памятник сложился, видимо, в 1560. К позднейшим лит. обработкам легендарных народных сказаний о батыевщине относятся также «Повесть о Меркурии Смоленском» (списки с 16 в.) и предание о граде Китеже в литературе старообрядцев (2-я пол. 18 в.).

В сохранившем независимость Новгороде в относительно спокойной обстановке продолжалось архиепископское летописание (его наиболее значимая в лит. отношении часть принадлежит пономарю Тимофею, 13 в.), появлялись путевые записки – «Странник» Стефана Новгородца, посетившего Константинополь в 1348 или 1349, создавались жизнеописания местных святых. Древние устные предания предшествовали житиям двух наиболее почитаемых новгородских святых, живших в 12 в., – Варлаама Хутынского (первоначальная редакция – 13 в.) и первого архиепископа Новгородского Ильи-Иоанна (основная редакция – между 1471 и 1478). В «Житии Иоанна Новгородского» центральное место занимают созданные в разное

время сказание о победе новгородцев над суздальскими войсками в 1170 (40–50-е гг. 14 в.) и слово о путешествии Иоанна на бесе в Иерусалим, основанное на «бродячем» сюжете о зачатом крестом или крестным знаменем чёрте.

Для понимания средневекового религиозного мировоззрения важно послание архиепископа Новгородского Василия Калики епископу Тверскому Фёдору Доброму о рае (возможно, 1347). Оно было написано в ответ на богословские споры в Твери о том, существует ли рай только духовно, как особая нематериальная субстанция, или ещё и материально, как область на востоке земли, созданная для Адама и Евы. Центральное место среди доказательств Василия Калики занимает рассказ об обретении мореплавателями-новгородцами земного рая, окружённого высокими горами, и земного ада.

Конец 14 века – 15 век

В 14 в. Византия, а вслед за ней Болгария и Сербия переживали культурный подъём, затронувший многие области духовной жизни: литературу, книжный язык, иконопись, богословие (в виде мистического учения монахов-исихастов). В это время резко активизируют свою деятельность литературно-переводческие и книжные центры на Афоне, в Константинополе, в столице Второго Болгарского царства Тырнове при патриархе Евфимии (ок. 1375–1393) и др.

Важной причиной переводческого подъёма стал переход к сер. 14 в. болгарской и сербской церкви вслед за греческой со Студийского богослужебного устава на Иерусалимский. Реформа потребовала нового перевода аскетических сочинений, литургических книг и сборников, чтение которых предусматривалось Иерусалимским уставом за богослужением («Учительное Евангелие» патриарха Константинопольского Каллиста I, сборники творений Иоанна Златоуста «Маргарит» и «Андрианты», триодный Синаксарь и др.). К кон. 14 в. у юж. славян был переведён с греческого языка и отредактирован большой корпус аскетической литературы, или неизвестной на Руси (сочинения Исаака Сирина, Петра Дамаскина, Симеона Нового Богослова, проповедников обновлённых исихастских идей Григория Синаита и Григория Паламы и др.), или известной лишь в древних переводах (напр., творения аввы Дорофея). Большое значение для судеб древнерусской книжности имела

южнославянская реформа книжного языка, затронувшая прежде всего его графико-орфографические нормы.

В 14 в. возобновились прерванные монголо-татарским нашествием связи Руси с Афоном и Константинополем, крупнейшими центрами культурных контактов между греками, болгарями, сербами и русскими. В последние десятилетия 14 в. и в 1-ю пол. следующего столетия списки Иерусалимского устава получили широкое распространение в рус. церковной жизни. Тогда же южнославянские тексты были перенесены на Русь, где под их влиянием начались реформа книжного языка и «книжная справа» – редактирование церковных рукописей. «Второе южнославянское влияние» было вызвано внутренними потребностями рус. книжной культуры. Одновременно со «вторым южнославянским влиянием» и независимо от него происходило возрождение основного корпуса памятников, существовавшего в письменности Древней Руси. Сочетание двух синхронных процессов, «второго южнославянского влияния» и стремления восстановить богатое рукописное наследие домонгольской Руси, обеспечило невиданный расцвет рус. книжности в 15 в.

Реставрация местных старокнижных традиций проявилась в особой, риторически украшенной манере изложения – «плетении словес», активно развивавшейся с кон. 14 в. «Плетение словес» возродило лит. приёмы, известные в красноречии Киевской Руси, но придало им ещё большую торжественность и эмоциональность. В 14–15 вв. древнерусские риторические традиции обогатились вследствие усилившихся связей с южнославянскими литературами. «Плетение словес» достигло наивысшего развития в творчестве Епифания Премудрого, автора житий просветителя коми-зырян епископа Стефана Пермского (1396–98 или 1406–10) и духовного воспитателя рус. народа Сергия Радонежского (закончено в 1418–19).

С кон. 14 в. в Московскую Русь и Великое княжество Литовское переезжают некоторые южнославянские книжники. Митрополит Киевский и всея Руси Киприан, окончательно обосновавшийся в Москве в 1390, и митрополит Литовский (с 1415) Григорий Цамблак были видными представителями лит. школы патриарха Евфимия Тырновского. Серб Пахомий Логофет прославился как автор и редактор многих житий, служб, канонов, похвальных слов. Переработав текст Епифания Премудрого,

«Житие Сергия Радонежского».
Миниатюра с изображением
Епифания Премудрого. 16 в. (РГБ).

он составил несколько новых редакций «Жития Сергия Радонежского» (1438–50-е гг.). На основе рассказов очевидцев им было написано «Житие Кирилла Белозерского» (1462). Его жития, построенные по чёткой схеме и украшенные «плетением словес», стоят у истоков особого направления в рус. агиографии с её жёсткой этикетностью и пышным красноречием.

Угроза турецкого завоевания заставила константинопольские власти заключить акт о церковном соединении под главенством Рима на Флорентийском соборе (1439). Рус. участники посольства на собор оставили записки: «Хождение на Флорентийский собор» анонимного суздальского книжника (1437–1440) и, очевидно, его же «Заметка о Риме», «Исхождение» епископа Авраамия Суздальского, «Повесть о Флорентийском соборе» иеромонаха Симеона Суздальца

(1447). В 1453 Константинополь был завоёван турками. Крушение империи осмыслялось многими как Божья кара и возмездие за флорентийскую унию. Падению Константинополя посвящена «Повесть о взятии Царьграда турками» (2-я пол. 15 в.), приписываемая Нестору Искандеру, – талантливый лит. памятник и ценный исторический источник. В конце повести помещено пророчество о будущем освобождении Константинополя «русами» – идея, неоднократно обсуждавшаяся в последующей рус. литературе.

Победе объединённых рус. войск над татарами на Куликовом поле в 1380 посвящён цикл произведений кон. 14–15 вв. В него входят лироэпическая «Задонщина», подражавшая «Слову о полку Игореве», испытавшая влияние фольклора и продолжавшая традиции воинских повестей, «Сказание о Мамаевом побоище» –

«Сказание о Мамаевом побоище».
17 в. Исторический музей (Москва).

самый подробный и увлекательный рассказ о Куликовской битве, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского» – торжественный панегирик в честь победителя татар Дмитрия Донского, близкий по языку и риторическим приёмам лит. манере Епифания Премудрого и, возможно, им написанный. О событиях после Куликовской битвы рассказывают «Повесть о нашествии хана Тохтамыша», захватившего и разграбившего Москву в 1382, и «Повесть о Темир Аксаке» (нач. 15 в.) – о походе на Русь в 1395 азиатского завоевателя Тимура и о чудесном спасении страны после принесения в Москву иконы Владимирской Богоматери, «державной заступницы» Русской земли.

«Повесть о Темир Аксаке» была включена в

монументальный великокняжеский Московский летописный свод 1479, составленный при Иване III и лёгший в основу всего официального летописания кон. 15–16 вв.

В момент наивысшего противостояния между Великим княжеством Московским и Большой Ордой архиепископ Ростовский Вассиан отправил риторически украшенное «Послание на Угру» (1480). Следуя примеру Сергия Радонежского, по преданию, благословившего на битву Дмитрия Донского, Вассиан призывал Ивана III на решительную борьбу с татарами, объявляя его власть царской и богоутверждённой.

Похвалу Тверскому княжеству (незадолго до его присоединения к Москве в 1485) сложил придворный писатель инок Фома в риторически украшенном панегирике «Слово похвальное о великом князе Борисе Александровиче» (ок. 1453). Об отсутствии братской любви между князьями и справедливости на Руси писал, перейдя для безопасности на смешанный тюркско-персидский язык, тверской купец Афанасий Никитин. Заброшенный судьбой на чужбину, он рассказал простым и выразительным языком о скитаниях в дальних странах и пребывании в Индии в 1471–74 в путевых

записках «Хождение за три моря».

Глубоко личностному содержанию «Хожения», простоте и непосредственности его рассказа близки записки монаха Иннокентия о смерти Пафнутия Боровского (видимо, 1477–78), духовного учителя Иосифа Волоцкого, создавшего крупный литературный и книжный центр в основанном им Иосифо-Волоколамском монастыре и ставшего одним из вождей «Церкви воинствующей».

Конец 15 века – 16 век

Кон. 15 в. был отмечен религиозными брожениями, порождёнными в числе прочих причин неопределённостью религиозных и культурных ориентиров в умах образованной части рус. общества после падения Константинополя и ожиданием конца света в 7000 г. от Сотворения мира, или в 1492 г. от Рождества Христова. Ересь «жидовствующих» зародилась в 1470-х гг. в Новгороде, незадолго до потери им независимости в 1478, а затем перекинулась в победившую его Москву. Борьбу с вольнодумцами возглавили архиепископ Новгородский Геннадий и игумен Иосиф Волоцкий. «Книга на новгородские еретики» Иосифа Волоцкого (краткая редакция – не ранее 1502, пространная – 1510–11), переименованная в списках 17 в. в «Просветитель», является важным памятником богословской мысли и религиозной борьбы.

При архиепископском дворе в Новгороде Геннадий создал крупный книжный центр, открытый западноевропейским влиянием. Он собрал целый штат сотрудников, переводивших с латыни и немецкого языка. В их числе были монах-доминиканец Вениамин, очевидно хорват, немец Николай Булев, Влас Игнатов, Дмитрий Герасимов. Под руководством Геннадия был составлен и переведён первый полный библейский свод у православных славян – Библия 1499 г. При её подготовке использовались, помимо славянских источников, латинская (Вульгата) и немецкая Библии. По повелению Геннадия были переведены с латыни отрывок (8-я глава) из календарного трактата Гийома Дюрана (Вильгельма Дурандуса) «Совещание божественных дел» в связи с необходимостью составления пасхалии на «осьмую тысячу лет» (1495) и антииудейская книга «учителя Самуила евреина» (1504). Перевод этих сочинений приписывается Николаю Булеву или Дмитрию Герасимову. Последний также по

заказу Геннадия перевёл латинское антииудейское произведение Николая де Лиры «Доказательства пришествия Христа» (1501).

Самой заметной фигурой среди моск. еретиков был дьяк Фёдор Курицын, близкий ко двору Ивана III. Курицыну приписывают «Сказание о воеводе Дракуле» (1482–85).

Исторический прототип этого персонажа, Влад Цепеш, правил «в Мунтянской земле» (древнерусское название княжества Валахия) и умер в 1476 незадолго до посольства Курицына в Венгрию. О его жестокости ходили слухи и анекдоты по всей Европе.

Данное ему прозвище Цепеш означает буквально «сажатель на кол». Рассказывая о многочисленных жестокостях «зломудрого» Дракулы и сравнивая его с дьяволом, автор подчёркивает его справедливость, беспощадную борьбу со злом, преступностью и неправдой.

На 16 в. пришёлся невиданный ранее подъём публицистики. В кон. 1540-х гг. к мысли об оправданной жестокости государя пришёл Иван Пересветов в сказаниях «о Магмет-салтане», царе Константине Палеологе и в большой челобитной Ивану IV. Сторонник сильной единодержавной власти, он советовал Ивану IV покончить с помощью «грозы» с самоуправством вельмож, разорявших страну. В послании митрополиту Даниилу (до 1539) Фёдор Карпов провозгласил государственным идеалом монархию, основанную на законе, правде и милости.

Церковные писатели были разделены на два лагеря – иосифлян и нестяжателей, или заволжских старцев. Архиепископ Геннадий, Иосиф Волоцкий и его последователи иосифляне (митрополиты Даниил и Макарий, Зиновий Отенский и др.) защищали право общежительных монастырей владеть землёй и крестьянами, принимать богатые пожертвования, не допуская при этом никакой личной собственности монаха. Они требовали для упорных еретиков высшей меры наказания («Слово об осуждении еретиков» в пространной редакции «Просветителя» Иосифа Волоцкого 1510–11). Духовный отец нестяжателей Нил Сорский был противником монастырских вотчин и богатых вкладов, считал наилучшим видом монашества скитский образ жизни, понимая его под влиянием исихазма как аскетический подвиг, путь безмолвия и созерцания. Нестяжатели (князь-инок Вассиан Патрикеев, старец Артемий и др.) считали, что покаявшихся вольнодумцев следовало прощать, а нераскаявшихся –

отправлять в заточение, но не казнить («Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков», возможно, 1504). Памятниками религиозной борьбы являются трактат Зиновия Отенского «Истины показание к вопросившим о новом учении» (после 1566) и созданное приблизительно тогда же анонимное «Послание многословное». Оба сочинения направлены против беглого холопа Феодосия Косого, самого радикального вольнодумца за всю историю Древней Руси, создателя «рабьего учения» – ереси народных низов.

В литературе 1-й трети 16 в. появляется новый тип исторического труда, вводящего в русло всемирной истории историю славян и Руси (Хронограф редакции 1512, 1-я четв. 16 в.). Легенды о происхождении моск. государей от римского императора Августа и о получении Владимиром Мономахом царских регалий от византийского императора Константина Мономаха объединены в «Послании о Мономаховом венце» бывшего митрополита Киевского Спиридона-Саввы и «Сказании о князьях Владимирских». Обе легенды использовались в официальных документах и моск. дипломатии 16 в.

Ответом на католическую пропаганду Булевым церковной унии и первенства Рима стала теория «Москва – Третий Рим», выдвинутая старцем Псковского Елеазарова монастыря Филофеем в послании дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину «против звездочётцев» (ок. 1523–1524). После отпадения католиков от правой веры и отступничества греков на Флорентийском соборе, в наказание за это завоёванных турками, центр вселенского православия переместился в Москву. Россия была объявлена последней мировой монархией – Ромейской державой, единственной хранительницей и защитницей чистой веры Христовой. Соперничество за право считаться прямым наследником Рима и Константинополя шло между Москвой и Новгородом, сохранившим после утраты независимости оппозиционно-сепаратистские предания. «Повесть о новгородском белом клобуке» (пространная редакция – после 1589) объясняет происхождение особого головного убора новгородских архиепископов передачей из Константинополя в Новгород белого клобука, дарованного первым христианским императором Константином Великим папе Римскому Сильвестру I. Тем самым Новгороду было обеспечено право именоваться «Третьим Римом».

Кон. 15 – 1-е десятилетие 16 вв. отмечены активным обращением к западноевропейской книге. Появляются переводы с немецкого языка: «Прение живота и смерти» (кон. 15 в.), народная «энциклопедия» «Луцидариус» (кон. 15 – 1-я треть 16 вв.), медицинский трактат «Травник» (1534), переведённый Булевым. Среди переводов с латыни выделяются роман Гвидо делле Колонне «Троянская история» (13 в., перевод кон. 15 – нач. 16 вв.) и сочинения Псевдо-Августина – «Книга святого Августина» с его житием Посидия Каламского (переведены предположительно в 1518–24). Писателем-западником был Фёдор Карпов, использовавший в переписке с митрополитом Даниилом (до 1539) «Никомахову этику» Аристотеля, сочинения Овидия «Метаморфозы», «Искусство любви», «Фасты».

С зап. влиянием связано «филологическое возрождение» в России. Новое отношение к тексту – к принципам его перевода, передачи и исправления, основанное на западноевропейских науках тривиума (грамматики, риторики, диалектики), берёт своё начало на Руси с деятельности Максима Грека, ученика итальянских гуманистов. Приехав в Москву с Афона для перевода церковных книг в 1518, он пытался перенести на церковно-славянскую почву богатый филологический опыт Византии и ренессансной Италии. Максиму Греку принадлежат публицистические сочинения: «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жительстве» (до 1525) – о нищенствующих монашеских орденах на Западе и флорентийском проповеднике Дж. Савонароле; «Слово, пространне излагающе с жалостию нестроения и бесчиния царей и властей последнего века сего» (между 1533 и 1539 или сер. 16 в.), обличающее боярское «самовластие» при малолетнем Иване IV; идейная программа его царствования – «Главы поучительны начальствующим правоверно» (ок. 1547–1548); произведения против античных мифов, астрологии, апокрифов, суеверий и др.

16 в. – время обобщающих лит. предприятий энциклопедического характера. Под руководством Макария, архиепископа Новгородского (1526–42) и митрополита всея Руси (1542–63), были составлены Великие Минеи Чети и – грандиозный свод душеполезной литературы в 12 книгах, расположенный в порядке церковного месяцеслова. Работа, начатая в Новгороде в 1529 (или 1530) и законченная в Москве ок. 1554, заключалась в поиске источников, отборе лучших списков, их

редактировании, создании новых памятников и редакций. Макарий объединил усилия известных книжников, переводчиков и писцов. Среди них были Дмитрий Герасимов, переведший латинскую Толковую Псалтырь епископа Брунона Гербиполенского, или Вюрцбургского (1535), Василий Тучков, переработавший простое новгородское «Житие Михаила Клопского» (1478–79) в риторически украшенную редакцию (1537), новгородский пресвитер Илья, написавший житие болгарского мученика Георгия Нового (1538–39) на основе устного рассказа афонских монахов, и др.

В 1547 и 1549 Макарий провёл церковные соборы, на которых было канонизировано 30 новых общерусских святых – на 8 больше, чем за весь предшествующий период. После соборов были созданы десятки житий и служб новым чудотворцам. Среди них – жемчужина древнерусской литературы «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (кон. 1540-х гг.) Ермолая-Еразма, использовавшего народно-поэтические «бродячие» сюжеты о борьбе со змеем-оборотнем и мудрой, вещей девице. Его произведение типологически близко памятникам западноевропейского эпоса: средневековым легендам о Тристане и Изольде, сербской юнацкой песне «Царица Милица и Змей с Ястребаца» и др. Повесть резко расходится с агиографическим каноном и потому не была включена Макарием в Великие Минеи Чети. Уже в 16 в. её стали исправлять, приводя в соответствие с требованиями лит. этикета.

С деятельностью Макария связано, судя по всему, начало рус. книгопечатания. В Москве в 1-й пол. 1550-х – сер. 1560-х гг. работала анонимная типография, выпускавшая книги без выходных данных. В 1564 Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец выпустили в свет Апостол – первую русскую печатную книгу с выходными данными. При её подготовке была проведена большая текстологическая и редакторская работа. Предисловия и послесловия Фёдорова к его изданиям являются ценными памятниками этого лит. жанра.

Митрополит Даниил, гневно обличавший в словах и поучениях людские пороки, был редактором-составителем обширной Никоновской летописи (кон. 1520-х гг.) – самого полного свода сведений по рус. истории. Никоновская летопись использовалась при работе над «Степенной книгой» (1560–63). Памятник был составлен монахом Чудова монастыря Афанасием (в 1564–66 митрополит Московский), но идея принадлежала,

очевидно, Макарию. «Степенная книга» – первый опыт изложения рус. истории по генеалогическому принципу, в форме княжеских жизнеописаний от Владимира Святославича до Ивана IV. Введением к «Степенной книге» служит «Житие княгини Ольги» в редакции Сильвестра, протопopa кремлёвского Благовещенского собора. Сильвестр является также редактором или автором Домостроя (сер. 16 в.) – обобщающего наставления о домашней жизни. Никоновская летопись была осн. источником сведений по рус. истории в грандиозном Лицевом летописном своде Ивана Грозного. Памятник охватывает всемирную историю с библейских времён до 1567 и сохранился в 10 богато иллюстрированных томах (более 16000 миниатюр).

Противовесом официальной литературе 16 в., обожествлявшей царскую власть и утверждавшей исконность самодержавия на Руси, стало творчество Андрея Курбского, представителя княжеско-боярской оппозиции. Сразу после бегства в Литву он отправил первое послание Ивану IV Грозному (1564), обвиняя его в тирании и вероотступничестве. Грозный ответил политическим трактатом в эпистолярной форме, прославляющим «вольное царское самодержавство» (1564). После перерыва переписка возобновилась в 1570-х гг. Спор вёлся о пределах царской власти, о предпочтительности самодержавия или ограниченной сословно-представительной монархии. Обличению Ивана IV и его тирании Курбский посвятил «Историю о великом князе Московском» (предположительно 1579–81). Если памятники официальной историографии 50–60-х гг. 16 в. («Степенная книга», «Летописец начала царства», составленный в связи с завоеванием Казани в 1552; посвящённая этому событию в контексте трёхсотлетних русско-ордынских отношений «Казанская история») являются апологией Ивана IV и неограниченного самодержавия, то Курбский создал прямо противоположную им трагическую историю нравственного падения «прежде доброго и нарочитого царя», закончив её впечатляющим по худож. силе мартирологом жертв опричного террора.

Во 2-й пол. 16 в. моск. эмигранты в Великом княжестве Литовском (один из последних адептов нестяжательства старец Артемий, Иван Фёдоров, князь Курбский и Михаил Оболенский-Ноготков и др.) писали, переводили и редактировали книги, участвовали в создании типографий и книжных центров. Они способствовали возрождению церковно-славянской книжности и укреплению православного сознания в религиозно-

культурной борьбе с католиками и религиозными реформаторами накануне Брестской унии 1596.

Традиции воинских повестей продолжает «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» иконописца Василия (1580-е гг.), рассказывающая о героической обороне города от польско-литовской армии в 1581. В 1589 в России было учреждено патриаршество, способствовавшее оживлению лит. деятельности и книгопечатания. «Повесть о житии царя Фёдора Ивановича» (до 1604), написанная первым рус. патриархом Иовом в традиционном стиле идеализирующего биографизма, стоит у истоков литературы Смутного времени.

17 век

17 в. – переходный период от древней к новой литературе. «Бунташное» столетие началось Смутой: страшным голодом, гражданской войной, польской и шведской интервенцией. События, потрясшие страну, породили острую необходимость осмыслить их. За перо взялись люди самых разных взглядов и происхождения: келарь Авраамий Палицын, с достоверностью очевидца описавший в «Истории» (1613–26) драматические события Смуты и героическую защиту Троице-Сергиева монастыря от польско-литовских войск в 1608–10; дьяк Иван Тимофеев, витиеватым языком изложивший события от Ивана IV Грозного до Михаила Романова во «Временнике» (работа велась до смерти автора в 1631); князь И. А. Хворостинин – писатель-западник, фаворит Лжедмитрия I, сочинивший в своё оправдание «Словеса дней, и царей, и святителей московских» (возможно, 1619); князь С. И. Шаховской – автор «Повести на память великомученика царевича Димитрия», «Повести о некоем мнисе...» (о Лжедмитрии I) и, возможно, «Повести книги сея от прежних лет», или «Летописной книги» (1-я треть 17 в.), которую приписывают также князьям И. М. Катыреву-Ростовскому, Хворостинину и др.

Трагедия Смуты вызвала к жизни яркую публицистику, служившую целям освободительного движения: «Новая повесть о преславном Российском царстве» (1611), «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства» (1612). Слухи об отравлении боярами князя М. В. Скопина-Шуйского, талантливого полководца и народного любимца, легли в основу народной исторической песни,

использованной в «Писании о преставлении и погребении князя М. В. Скопина-Шуйского» (нач. 1610-х гг.).

События Смутного времени послужили толчком к созданию многочисленных региональных лит. памятников (обычно в форме повестей и сказаний о чудесах от местночтимых икон), посвящённых эпизодам борьбы с иностранной интервенцией в разных областях страны: в Курске, Ярославле, Великом Устюге, Устюжне, Тихвинском, рязанском Михайлове монастыре и др. местах.

Отголоском Смуты является творчество подьячего Тимофея Акундинова. Бежавший из России в 1644 и за рубежом выдававший себя за наследника царя Василия Шуйского, он известен как писатель и поэт, автор стихотворной декларации московскому посольству в Константинополе в 1646 (четвертован в Москве в 1653). Литературу «государевых изменников» продолжил подьячий Григорий Котошихин, обладавший несомненным лит. талантом. В шведской эмиграции он сочинил историческое и нравоописательное произведение «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–67).

Центральный памятник легендарной историографии 17 в. – новгородское по происхождению «Сказание о Словене и Русе» (не позднее 1638), посвящённое происхождению славян и началу Русского гос-ва (от потомков патриарха Ноя до призвания варягов) и включающее в себя популярную в средневековой славянской историографии легендарную грамоту Александра Македонского славянским князьям. «Сказание» было введено в Летописный патриарший свод 1652 и тем самым стало официальной версией начальной рус. истории. Оно оказало сильнейшее влияние на последующую рус. историографию.

Беллетризация исторических жанров отчётливо видна в цикле легенд о начале Москвы, в который входят «Повесть о зачале Москвы» (17 в.) и «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» (между 1652 и 1681). Историческая канва полностью подчинена здесь вымышленной интриге с элементами авантюрного сюжета. К беллетристике на историко-агиографическую тему принадлежит «Повесть о Тверском Отроче монастыре» (2-я пол. 17 в.), в которой использованы символика свадебного обряда и вымышленный народно-поэтический сюжет.

В недрах традиционных агиографических жанров (сказания об основании монастыря, о явлении креста и т. п.) зрели ростки новых повествовательных форм и лит. приёмов. Особенности жития и бытовой биографической повести соединяет в себе «Повесть об Ульянии Осорьиной» (или «Житие Юлиании Лазаревской», 1-я пол. 17 в.), написанная её сыном Дружиной Осорьиным. Муромская помещица воплощает идеальный характер рус. женщины, которая всем своим поведением утверждает святость добродетельной жизни в миру. К произведениям муромского цикла, давшим замечательные женские образы, принадлежит «Повесть о Марии и Марфе», или «Сказание об Унжеском кресте» (1-я пол. 17 в.). Чудесное создание животворящего креста, местной святыни, связано здесь с судьбой любящих сестёр, надолго разлучённых ссорой их мужей.

На пересечении народно-поэтических и книжных традиций возникла «Повесть о Горе-Злочасти» – морально-философская притча о блудном сыне, злосчастном бродяге-бражнике, гонимом злым роком. «Повесть о Савве Грудцыне» (возможно, 1660-е гг.) входит в круг западноевропейских средневековых легенд о договоре человека с дьяволом. Произведение разрабатывает на рус. материале тему продажи души за мирские блага и любовные наслаждения, соединяя осн. сюжетную линию с волшебной сказкой. «Повесть о Фроле Скобееве» (кон. 17 – нач. 18 вв.) – новое явление в рус. литературе: это развлекательная новелла плутовского жанра, популярного в Западной Европе 16–17 вв. «Повесть о Карпе Сутулове» (кон. 17 – нач. 18 вв.), прославляющая находчивый женский ум и высмеивающая незадачливые любовные похождения купца, попа и архиерея, близка народной смеховой культуре, расцвет которой пришёлся на 17 в. и отразил решительный отход от старых книжно-славянских традиций и «душеполезного чтения», меткую народную речь и влияние деловой письменности. Объектами народной сатиры стали общественные отношения и судопроизводство («Повесть о Ерше Ершовиче»), продажность и взяточничество судей («Повесть о Шемякином суде», развивающая плутовскую линию в рус. литературе), социальная несправедливость и бедность («Азбука о голом и небогатом человеке»), быт и нравы духовенства и монашества («Калязинская челобитная», «Сказание о попе Саве»), шутовские персонажи («Повесть о Фоме и Ерёме»). В

жанре «священной пародии» написана «Служба кабаку», восходящая к латинской «Всепянейшей литургии» (13 в.). Западноевропейский «бродячий» сюжет, «выворачивающий наизнанку» церковную исповедь, использован в «Повести о Куре и Лисице». Польский прототип имеет «Сказание о роскошном житии и веселии», изображающее псевдоутопию – сказочный рай обжор и пьяниц. Памятники народной смеховой культуры с большим сочувствием рисуют ум, ловкость и находчивость простого человека («Повесть о Шемякином суде», «Сказание о крестьянском сыне», «Повесть о бражнике»).

Начиная со Смутного времени развиваются местные литературы, сохраняющие связь с центром и, как правило, традиционные формы повествования. 17 в. в изобилии представляет образцы прославления местных святынь, не получивших общерусского почитания (жития, сказания о чудотворных иконах, повести о монастырях), и примеры создания новых редакций уже известных произведений. Из лит. памятников рус. Севера можно выделить жизнеописания святых, живших в 16 в.: «Повесть о житии Варлаама Керетского» (17 в.) – кольского священника, убившего жену и скитавшегося в ладье с её трупом по Белому морю, вымаливая у Бога прощение; «Житие Трифона Печенгского» (кон. 17 – нач. 18 вв.) – основателя самого северного монастыря на р. Печенга, просветителя саамов в зап. части Кольского п-ова.

Первой историей Сибири стала летопись тобольского дьяка Саввы Есипова (1636). Её традиции были продолжены в «Истории Сибирской» (кон. 17 в. или до 1703) тобольского дворянина Семёна Ремезова. Цикл повестей посвящён взятию Азова донскими казаками в 1637 и их героической обороне крепости от турок в 1641. «Поэтическая» повесть об Азове (1641–42) сочетает документальную точность с казачьим фольклором. В использовавшей её «сказочной» повести об Азове (1670–80-е гг.) историческая правда уступает место худож. вымыслу, основанному на большом количестве устных преданий и песен.

В 17 в. Русское государство бурно завершает средневековую эпоху, спеша наверстать упущенное за предшествующие столетия. Тяга к западноевропейской культуре, прежде всего польской и латинской, возрастание интереса к светским беллетристическим жанрам изменили репертуар переводной литературы.

Крупнейшим переводческим центром был Посольский приказ в Москве. В 1607 служивший там переводчиком выходец из Литовской Руси Ф. К. Гозвинский перевёл с древнегреческого басни Эзопа и его легендарное жизнеописание. Посольский переводчик Иван Гуданский участвовал в коллективном переводе «Великого Зерцала» (1674–77) и самостоятельно перевёл с польского языка рыцарский роман «История о Мелюзине» (1677). Переводной рыцарский роман стал одним из наиболее значительных новшеств переходной эпохи. Он принёс с собой увлекательные приключения, благородство чувств, мир самоотверженной любви и дружбы, прославление женской красоты, рыцарский кодекс чести. На Руси рыцарский роман превратился в народную книгу. У самого широкого круга читателей имели успех «Повесть о Бове-королевиче», сюжет которой, скорее всего, в устной форме стал известен ещё в 16 в., «Повесть о Брунцвике» (не позднее сер. 17 в.), «Повесть о Петре Златых Ключей» (2-я пол. 17 в.) и др. Устное бытование предшествовало лит. обработке «Повести о Еруслане Лазаревиче», отразившей древнее восточное сказание о богатыре Рустеме, известное по поэме «Шах-наме» Фирдоуси (10 в.). «Повесть о Еруслане Лазаревиче» прочно вошла в низовую культуру, где неоднократно перерабатывалась, всё больше приобретая очертания богатырской сказки.

Во 2-й пол. 17 в. получают распространение переводные с польского языка книги: «Великое Зерцало» (в двух переводах 1674–77 и 1690-х гг.) и «Римские деяния» (последняя треть 17 в.) – сборники нравоучительных повестей, «Фацеции» (1679) – псевдоисторические анекдоты, короткие рассказы о комических случаях и остроумных ответах, «Апофегмы» Б. Будного (два перевода не позднее последней четв. 17 в.) – меткие изречения, анекдоты, занимательные новеллы.

В 17 в. в рус. литературу прочно входит виршевая поэзия с её неравносложным рифмованным, т. н. говорным, стихом. Досиллабическая поэзия опиралась на древнерусские книжные и устные традиции, но вместе с тем испытала влияния, шедшие из Польши и Юго-Западной Руси. Среди старших поэтов были князь С. И. Шаховской и И. А. Хворостинин, окольничий Алексей Зюзин, приказные служащие Ф. К. Гозвинский и Антоний Подольский, Евстратий. В 30–40-х гг. 17 в. образовалась «приказная школа» стихотворства, объединившая служащих моск.

приказов. Её наиболее видные представители – И. В. Шевелев Наседка и Савватий, справщики (редакторы) Моск. печатного двора, бывшего крупнейшим очагом культуры и местом службы многих писателей. Стихотворная школа существовала также в основанном патриархом Никоном Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, виднейшими представителями которой были архимандриты Герман и Никанор, пользовавшиеся силлабической версификацией.

Говорной стих был вытеснен из высокой поэзии более строго организованным силлабическим стихом и перешёл в низовую литературу. Силлабическая поэзия появилась в России под влиянием польского барокко. Решающее значение имело творчество белоруса Симеона Полоцкого (с 1664 в Москве). Он стал первым придворным поэтом, распространителем новых лит. вкусов, создателем новой словесной культуры барокко и силлабической поэзии с развитой системой стихотворных размеров и жанров. До конца жизни (умер в 1680) Симеон Полоцкий работал над двумя огромными поэтическими сборниками: «стихотворной энциклопедией» «Вертоградом многоцветным» (1678) и «Рифмологионом, или Стихословом» – собранием панегирических стихов на разные случаи из жизни царской семьи и вельмож. В 1680 вышла из печати его «Псалтырь рифмотворная» – первое в России стихотворное переложение псалмов, созданное в подражание «Псалтыри Давида» (1578) польского поэта Яна Кохановского. Чрезвычайно плодовитый автор, Симеон Полоцкий писал пьесы в стихах, проповеди, полемические сочинения, способствовал становлению лит. школы барочных авторов. После его смерти место придворного писателя занял его ученик Сильвестр Медведев. Возглавив моск. западников – «латинствующих», Медведев повёл решительную борьбу с партией писателей-грекофилов (патриарх Иоаким, Евфимий Чудовский, братья Лихуды, иеродиакон Дамаскин) и пал в этой борьбе, казнённый в 1691. На кон. 17 в. приходится расцвет творчества придворного автора Кариона Истомина, написавшего огромное количество стихотворений, поэм, эпитафий, эпиграмм и панегириков. Его новаторский педагогический труд, иллюстрированный стихотворный «Букварь» (цельногравированный 1694 и наборный 1696), переиздавался и использовался в качестве учебной книги ещё в нач. 19 в.

С барочной культурой связано возникновение театра при дворе царя Алексея

Михайловича в 1672. Первым режиссёром и драматургом был лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Написанное им на сюжет библейской Книги Есфирь «Артаксерксово действо» (1672) стало первой пьесой рус. театра. С Запада в Россию проникает школьный театр. Театральные представления шли в Моск. Славяно-греко-латинской академии, основанной в 1687, и в ростовской школе, открытой митрополитом Димитрием Ростовским в 1702. Димитрий, переехавший в Россию с Украины в 1701, подвёл итог древнерусской агиографии. На основе Великих Миней Четиех, древнерусских, латинских и польских источников он создал «Жития святых» в четырёх томах, переработав старые редакции, приблизив их к пониманию современного ему читателя (изданы в 1684–1705). По мотивам его житий ставились пьесы в придворном театре царевны Натальи Алексеевны в нач. 18 в.

В 1653 патриарх Никон начал проводить унификацию рус. церковного обряда с современным греческим (и с православным в целом). Никоновская реформа была отвергнута старообрядцами, защитниками древних славяно-византийских традиций, и положила начало церковному расколу. Противники реформ – протопоп Аввакум Петров, соловецкий старец Епифаний, священник Лазарь и дьякон Фёдор Иванов – были сосланы на Печору, в Пустозерский острог, и, заключённые в земляной тюрьме, начали писать и рассылать по всей стране послания, трактаты и целые книги в защиту старой веры. В Пустозерске было создано «Житие» протопопа Аввакума (1672–75) – написанная неповторимым по богатству и выразительности «русским природным языком» автобиография, но также искренняя исповедь правдоискателя и пламенная проповедь человека, готового умереть за свои идеалы. Это далеко не единственное автобиографическое житие в 16–17 вв. Среди его предшественников были «Повесть о житии...» Мартирия Зеленецкого (1580-е гг.), «Сказание об Анзерском ските» (кон. 1630-х гг.) Елеазара и «Житие» (в двух частях, 1667–71 и ок. 1676) Епифания, духовного отца Аввакума. Языку Аввакума близка лит. манера старообрядца Иоанна Лукьянова, автора паломнических записок о «хождении» в Иерусалим в 1701–03. Мученической кончине духовной дочери Аввакума боярыни Ф. П. Морозовой, умерщвлённой голодной смертью вместе с её сестрой Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой в земляной тюрьме в Боровске, посвящена «Повесть о боярыне Морозовой» (1675–77). В 1694 на северо-востоке от Онежского оз. Даниил Викулин и

Андрей Денисов основали Выговское общежительство, ставшее крупнейшим книжным и лит. центром старообрядчества в 18 – сер. 19 вв. Старообрядческая книжная культура, развивавшаяся также в Стародубье (с 1669), на Ветке (с 1685) и в др. центрах, продолжила древнерусские духовные традиции в новых исторических условиях.

Литература

Древнерусская литература. Изд.: Памятники литературы Древней Руси. М., 1978–1994. [Вып. 1–12]; Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997– . Т. 1–7, 9–11–.

Древнерусская литература. Лит.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903; Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963; он же. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI–XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М., 1980; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966; Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII вв. Л., 1968; она же. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974; Истоки русской беллетристики. Л., 1970; Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970; он же. Развитие русской литературы X–XVII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973; он же. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973; он же. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984; Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978; Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI – первая половина XIV в.; Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1 (А–К); Л., 1989. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2 (Л–Я); СПб., 1992. Вып. 3: XVII в. Ч. 1 (А–З); СПб., 1993. Вып. 3: XVII в. Ч. 2 (И–О); СПб., 1998–. Вып. 3: XVII в. Ч. 3 (П–С)–; Сафонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – начало XVIII в.). М., 1991; Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., 2001; Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР (России): 1988–1992 гг./Сост. О. А. Белоброва. СПб., 1998.

